

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук

Отмычка Соломона*

Соломон и Крестовоздвиженский

Всю дорогу Соломон репетировал разговор с Крестовоздвиженским. В этом проекте Дионисий был тупым попом, не верящим в джиннов. Он приводил веские аргументы, которые почему-то сподвигали батюшку к обращению в милицию. Соломон уже давно бы плюнул и вернулся в свой кабинет, но ужас от мысли, что в нем кто-то сидит, гнал его дальше, через двор, в подвал. И когда дверь ему открыл высокий блондин, чем-то похожий на Джеймса Бонда, главный аргумент уже возник в голове Соломона.

– Добрый вечер, Соломон Давидович! – улыбнувшись, сказал молодой человек, пропуская Соломона в прихожую.

Там стояло зеркало в старинной резной раме в стиле ар-нуво и рогатая венская вешалка, завешанная темными шелковыми одеждами. Молодой человек, видимо, секретарь, тонко улыбнулся и ушел звать Дионисия. На секунду Соломону показалось, что на белой рубашке секретаря он увидел револьвер в наплечной кобуре, – но нет, ему это только показалось.

Дверь распахнулась, в прихожую вышел сияющий Дионисий в черной с белым сутане. Соломон бросился к нему как к родной мамочке и пролепетал:

– Изгоните джинна, немедленно, пожалуйста...

Дионисий изумленно поднял одну бровь и сказал:

– Никифор, сделай одолжение, свари нам кофе, и с булочками.

* Продолжение. Начало в кн. 64-67.

Никифор возвел очи горе, вздохнул и, бурча себе под нос: «Великое достижение отечественного экзорцизма...» – отправился на кухню варить кофе.

Они прошли в мастерскую. Но это был не тот задрипанный подвал, в котором Дионисий принимал Петю. В мраморном камине пылал огонь, на каминной полке тикали бронзовые часы на гнутых ножках, усыпанные гирляндами цветов и амурами. Вместо допотопного телевизора в углу стояло бюро орехового дерева. Его ящички и дверцы были покрыты интарсией в виде пионов. На бюро лежал старинный церковный манускрипт, и чернолаковый чернильный прибор мерцал золотыми фениксами. Стены украшали картины с цветами и женщинами в платьях Серебряного века. Дионисий усадил Соломона в полосатое викторианское кресло у камина и сел рядом в такое же.

Соломон вдруг успокоился. То ли обстановка в мастерской у попа оказалась достаточно светской, чтобы считать его человеком широких взглядов. То ли возможность откинуть голову на спинку кресла и говорить, спрятав лицо за ушками подголовника, но вдруг в голове Соломона все встало на свои места. «Наверное, он действительно изгнал джинна», – подумалось ему.

Дионисий сидел рядом и ждал, пока гость освоится и начнет говорить.

А Соломон осматривал мастерскую. В углу красивым зеленым цветом светился аквариум, в котором плавала большая голубая мерцающая рыба. У окна стояли два солидных дубовых мольберта. Под стенами на тумбочках располагались подсвечники и безделушки из бронзы и фарфора – такие штуки Соломон в детстве называл «кренделябры». В полуоткрытой двери темной соседней комнаты виднелся огонь лампы перед иконой Божьей Матери в золотом ореоле оклада. Да и сам Дионисий оказался вовсе не в сутане, а в темно-синем шелковом халате поверх белой рубашки с галстуком-бабочкой и черных брюк.

– Я ждал вас, Соломон Давидович, – сказал Дионисий, заподозрив, что, совсем успокоившись, гость уснет, – и готов вам помочь, а возможно, вы поможете мне. Я давно за вами наблюдаю и не могу понять: как вы, интеллигентный человек, попали в такой переплет?

– Да, так получилось, знаете, жизнь коварная штука. А скажите, вы точно изгнали джинна, и ни во мне, ни вокруг джиннов нет?

– Внутри вас точно никаких джиннов нет, поверьте мне на слово, я уже тридцать лет этим занимаюсь. А то, что тут есть, джинн можно назвать только по недоразумению.

В аквариуме громко плеснула рыба.

– А если джинн здесь появится, вы опять его изгоните?

В это время в дверях комнаты появился Никифор с подносом, на котором стояли три чашки с блюдами, высокий серебряный кофейник, молочник и сахарница. В другой руке у него было сложное сооружение вроде пирамиды из тарелок с бутербродами и печеньем.

– Не-е, ну если меня опять будут изгонять, то никакого кофе. Не хочу я жить на кухне. Завели моду: чуть что – «изыди, изыди»... Живу я здесь. И кофе, и булочки с корицей тоже хочу.

– Никифор, не ворчи. Никуда твои булочки не денутся. Дай поговорить с человеком по душам.

– А что, он джинн? – пролепетал Соломон.

– Да, джинн, но вы его не бойтесь. Это длинная и запутанная история, но я вам ее расскажу, чтобы вам не было страшно. Тем более Никифор не даст мне соврать.

Никифор

С Никифором Крестовоздвиженскому повезло удивительно. Ему попался очень редкий тип джинна, пожалуй, единственный с которым ему не угрожала смертельная опасность. Конечно, все, что ему рассказал Никифор про бесов скопидомства, было чистой воды враньем. На самом деле он был из маридов, народа благородного и воинственного, и даже в большей своей части принявшего ислам.

Будучи сыном придворного высокого чина, вел жизнь бурную и легкомысленную – что было не редкостью среди золотой молодежи. Но при этом был из тех лучезарно-обаятельных плутов и шалопаев, чьи проделки так развлекают посторонних и являются сущим бедствием для близких и родственников. Демократичность и непереборчивость в знакомствах ужасали его папеньку. Но Никифор был в родстве со всем миром и не желал видеть в нем никакого зла, даже того, что причинял сам.

Ему долго все сходило с рук, пока он не влип в совершенно темную историю, в которой фигурировали чужие жены, крупные взятки и даже евнух гарема султана.

Мать Никифора билась в истерике, папаша всерьез подумывал, не покончить ли счеты с жизнью. А сынок, не дожидаясь, пока грянет скандал, напросился на аудиенцию к султану и провел с ним разговор так, что султан то гневался, то хохотал до колик в животе. А потом велел убираться с глаз долой и больше во дворце не показываться. Конечно, это был полный крах карьеры придворного, но Никифор и не собирался ее делать.

Более того, он выполнил приказ своего повелителя срочно, и не дожидаясь подробного разбирательства – иначе ему было не сносить головы. Так он очутился в Одессе. Здесь было тепло. Произносить имя Божье над едой и выпивкой народ в основном и не помышлял, а близость к Черному морю давала надежду, что его здесь искать не будут. Черное море было местом затопления джиннов в кувшинах. Так что, расчет был верный: мало кто любит селиться возле кладбища.

К людям Никифор относился, как интеллигенты относятся к кошкам, а посему если и доставлял неприятности, то скорее по непониманию, чем по долгу джинна. Крестовоздвиженского он уважал и побаивался, хотя и регулярно норовил сесть на голову. Дионисий эти поползновения лениво пресекал.

Из рассказов Никифора выяснилось многое, о чем Крестовоздвиженский догадывался и сам. Оказалось, что нечистых так же много и они так же разнообразны, как и живые существа видимого мира. И есть среди них как совсем простые, типа наших комаров, так и сложные и разумные, например джинны. Подавляющая их часть представляет опасность для человека. А так как они невидимы, то сортировать их нет никакой возможности. Зира Никифор терпеть не мог, считал выскочкой и тихо презирал.

Соломон и Крестовоздвиженский

– Ну что ж, я вам расскажу, коль скоро джинны для вас не новость. Приняли меня коммерческим директором. Поначалу все это было очень интересно. Мне продемонстрировали действие

лампы. Я побывал в турецкой кофейне середины девятнадцатого века. Я там сидел и пил замечательный кофе из маленькой чашечки, запивая холодной водой. Очень вкусно. При этом я понимал турецкий язык, как будто он был моим родным. И напоследок хозяин кофейни Саид-эфенди преподнес как почетному посетителю на подносе пакетик с зернами кофе.

Когда я очнулся, то сидел все в том же кресле, а в руках у меня был этот самый пакетик.

– Очень интересно, очень реально, – сказал я, – даже этот пакетик. Вы все предусмотрели.

– Это наш, так сказать, «рекламный ролик», – пояснил «ушастый». – А вот презент из наших видений обычно вытащить невозможно, да и запрещено это.

Это я после понял, что только при множестве повторений иллюзия может стать реальностью, но это уже признаки халтуры в нашем деле.

– Так вы не знали, что работаете в конторе под патронатом джиннов? – спросил Крестовоздвиженский.

– Нет, конечно. А если бы мне тогда сказали – не поверил бы. Я решил, что это какие-нибудь фокусы с гипнозом, внушением... А кофе мне просто в руку положили для полноты эффекта. Кстати сказать, за кофе я к этому эфенди еще не раз наведывался. Согласился я у них быть исполнительным директором. Работы не много. Фирма была тогда не сильно раскручена. Сотрудников несколько.

– Знал я вашу команду с самого начала, – согласился Крестовоздвиженский. – Хороший хлопец у вас масло наливал. Не смог я его уберечь.

– Да, к Василию претензий не было, и вдруг этот несчастный случай.

– Ага, автобусом на него наехали. А курировал это мероприятие один из знакомых вашего шефа. Его специально из Джинстана вызвали.

– Тогда я еще этого не знал. Несчастье большое. Хорошо, что у него родственников не было. Вот после этого «ушастый» меня вызвал и говорит: «Надо, Соломон Давидович, нового наливальщика в нашу фирму взять. На нашего Василия на переходе автобуса наехал и насмерть», – и вздохнул тяжело.

– Он что, на красный свет переходил? – спрашиваю.

– Нет, говорят, переходил он очень даже правильно проезжую часть на зеленый свет, а у автобуса тормоза отказали. Такое вот несчастье. И хотелось бы, чтобы вы поглядывали на ангела-хранителя претендентов – очень неприятно опытных сотрудников терять из-за всяких пустяков.

– А как же я этого ангела увижу? – спрашиваю. – Я их никогда не видел. Может, и нет их вовсе.

– Да есть они у каждого, – объясняет мне «ушастый». – Нужно только присмотреться.

– Мариночка, подойди сюда, пожалуйста, – позвал он нашу психологичку, которая сидела за столом в соседней комнате.

– Мариночка, постой, пожалуйста, на фоне вот этой двери, – попросил он зашедшую Марину.

– Вот смотрите, – сказал он затем мне, – смотрите не на Марину, хотя она вполне заслуживает внимания, а на дверь за ней. Тогда вокруг Марины вы увидите ее ауру.

Я увидел тонкую серую оболочку, надетую на голову Марины.

– А у правого плеча виднеется светлый столб такого же роста, как она сама, – это и есть ангел-хранитель. Он у всех есть. У всех людей, – поправился «ушастый». Это я потом понял, что он имел в виду.

– Мы, – говорит «ушастый», – вчера объявления развесили, так что, может, сегодня кто-нибудь и клюнет, то есть придет.

Вот тут-то Петя и пришел. Я как глянул, так и обомлел – у Пети за правым плечом столб висит светящийся. Аж блики на паркете.

И стал он у нас работать. Вот тогда-то я с Петей и познакомился. Ангел-хранитель у него очень уж выдающийся, я таких у людей и не видел.

Каюсь, развлекался я, гуляя по улицам и разглядывая ангелов-хранителей у людей, а потом надоело.

Позже я с Рафлом познакомился. Как-то заходит «ушастый», а с ним странный человечек в зеленом пиджачке. «Ушастый» говорит:

– Вот наш новый сотрудник. Его зовут Рафл. Он у нас будет заказы клиентам развозить.

Я смотрю, а ангела-хранителя у этого человечка нет. Я позже захожу к «ушастому» в кабинет и говорю:

– Вы тут на ангеле-хранителе настаивали, а у нового сотрудника его вовсе нет. Хорошо ли это?

А «ушастый» о чем-то своем думал, в окно глядел, и как бы между прочим отвечает:

– А у джиннов их и не бывает.

– Как – у джиннов? – я подумал, что шеф шутит. А он обернулся, посмотрел на мою растерянную рожу и продолжает:

– Ты что, Соломон, еще не понял, что хозяева этой конторы джинны? Самые натуральные, как в сказке из 1001 ночи. Вот поэтому-то мы все и можем. Так что, пользуйся, Соломон, повезло тебе. Хозяева тобой, в общем, довольны.

Вышел я в сильном недоумении, не поняв, это шутка такая, или я на самом деле в сказку влип.

Проанализировав события последних дней и не найдя ничего сверхъестественного, я решил на эксперимент.

Когда нахальный новый сотрудник в своей дурацкой курточке заявился в контору...

– Я всегда ему говорил, что курточка дурацкая, – вставил свое мнение Никифор.

– Так вы его знаете? – удивился Соломон.

– Не так нас тут много, чтобы всех не знать, – пояснил Никифор.

– Да, конечно, – медленно проговорил Соломон, собираясь с мыслями.

– Так вот, я у него так прямо и спрашиваю: «Ты случайно не джинн?». Думаю, в крайнем случае оберну все в шутку. А этот наглый тип мне отвечает: «А вы, небось, думали, что я лепрекон? Конечно, джинн из рода Гулей».

– Докажи, – не унимался я, чувствуя, что выгляжу как идиот.

Гуль уменьшился в два раза и ушел в стену. Через минуту ко мне в кабинет ворвалась возмущенная Марина со словами:

– Соломон Давидович, скажите, пожалуйста, этому придурку, чтобы он без стука ко мне через стены не заходил!

Я был поражен произошедшим, и возмущение Марины проигнорировал.

– Мариночка, ты что, знаешь, что они джинны? – спросил я.

– Конечно, знаю, – ответила она, – я тут давно работаю. А Рафл не джинн, а свинья, – и ушла к себе.

Я продолжал работать в конторе, хозяевами которой были джинны. На зарплату жаловаться было грех. Вещи, которые поначалу

казались невероятными и загадочными, становились простыми и обыденными. Особенно если не задумываться об их сущности.

Я общался с клиентами, большая часть из которых, как говорится, с большими тараканами в голове, ругался с Рафлом, пил хороший кофе из турецкой кофейни позапрошлого века... Кстати, у вас кофе не хуже.

– Еще бы, – подтвердил Никифор.

– И тут начались неприятности, – продолжил Соломон, сделав маленький глоток из чашечки. Как-то «ушастый» вызвал меня и, как всегда, глядя в окно, сказал:

– Поступила команда – с Петей заканчивать.

– Как, он нам уже не подходит, опять будем искать нового человека? – попытался уточнить я.

– Искать будем потом, а сейчас Петю нужно убить. Я не люблю говорить это слово, но иначе вы, кажется, не понимаете.

– А за что же его? – только и смог выдавить я.

– А ты пойдешь у них спросишь? – ответил «ушастый». – Я не пойду.

При этих словах «ушастый» ткнул пальцем в потолок. Он был явно расстроен.

– И вообще, лучше, когда тебе кого-то заказывают, а не наоборот, – произнес он банальную фразу. Вряд ли он над ней долго думал.

– А поменяться эта пара может в любой момент, – продолжил я его мысль. И мне стало как-то не по себе.

Видя мое состояние, «ушастый» решил пояснить:

– Та не дергайся ты, – сказал он, – никто тебя не заставляет в Петю стрелять или там ножом резать. Разрабатываешь обстоятельства, типа несчастного случая, все организуешь, а исполнители найдутся. Ты думал, Петин предшественник без нашего участия обрел жизнь вечную?

Стало мне от этого крайне противно. Первое, что пришло в голову, – решительно отказаться, выйти, хлопнув дверью, и больше сюда никогда не приходиться. Но это состояние быстро прошло. Я сказал:

– Подумаю, – и вышел, аккуратно закрыв за собой дверь.

– Срок до четверга, – донеслось вдогонку.

Я сидел в кресле и объяснял себе, что я, в отличие от джиннов, «гомо сапиенс», то есть «человек разумный», и должен что-нибудь придумать. И от этого мне становилось еще противней.

– Конец вашей истории нам в общих чертах известен, – прервал его самобичевание Крестовоздвиженский, – вы хотите сказать, что организовали покушение так, что оно не состоялось, и этим обманули ваших заказчиков? Это вряд ли. Наверное, у них был еще какой-нибудь вариант развития событий помимо вашего.

– Ничего подобного, – возразил Соломон Давидович, – я как раз все организовал самым лучшим образом. Я все проверил. Даже сходил на то место, где автомобиль Петиного приятеля должен был наехать на люк. Я даже покачал люк ногой. Единственное, на что я надеялся, – это на Петиного ангела-хранителя. И он, надо сказать, оказался на высоте. Я очень хотел, чтобы в мой план вкралась маленькая ошибочка. Ведь каждый может ошибиться на пару секунд. Но когда они с грузовиком разминулись на пятнадцать минут, я понял, что вмешался еще кто-то, кто не хочет Петиной смерти.

– Да, это была Галина, – уточнил Крестовоздвиженский, – по крайней мере она подходит под ваше определение.

Соломон Давидович чуть не улыбнулся краем рта, но возражать не стал.

– Да, конечно, и она тоже, – согласился он.

– А как же совесть? – вполне серьезно спросил Никифор.

– Совесть мучает живых, – ответил Соломон Давидович. – Либо тебя мучает совесть, либо нет. Я выбрал первое. Наверное, из страха.

Соломон Давидович говорил медленно, держа чашечку кофе обеими руками и вглядываясь в черное колеблющееся зеркало напитка. Ему показалось, что кто-то смотрит на него из чашечки. Соломон Давидович осторожно поставил чашечку на стол и отодвинул от себя.

– Страх начал меня преследовать вскоре после начала общения с джиннами. Я бы их бросил давно, но они же везде, – Соломон Давидович покосился на Никифора.

Никифор сделал вид, что этого не заметил.

– Вот так я и балансировал между довольно сытым существованием с одной стороны и каждодневной боязнью за себя с другой. Пока события не начали развиваться стремительно.

– Вот с этого места, пожалуйста, поподробней, – попросил Крестовоздвиженский.

– Так вот, – продолжал Соломон Давидович, все-таки выпив глоток кофе из чашечки, – во-первых, к нам прислали киллера. Странно,

что не профессионального, а так, по лицензии подкармливаться. Но имена в лицензии – Петино, что понятно, а также нашего клиента Редькина. Что с киллером произошло, вы, наверное, знаете не хуже меня. Но могло быть и мое имя! И опять же – милиция!

Эти гады джинны начали дублировать реальность, стали работать готовыми затасканными штампами. И вот результат – наши клиенты начали погибать. Одного нашли дома с перекушенной глоткой. Ему лев перекусил. Этот фрукт любил славу и женщин. Сначала слава на арене, а потом восхищенные женщины, ну, где-нибудь еще. Что-то у него на арене не состоялось. И, я думаю, с женщинами тоже.

– Да уж, – согласился Крестовоздвиженский.

– А второй утонул, тоже в своем кресле. Он любил летать на облачке над морем. Авария с облачком – и утонул. Бывает. Но чтобы втащить этот сюжет в реальность, нужно его так затаскать, как наш вот, с кофе, – Соломон Давидович показал на чашечку. – Зацепок никаких, но все странно погибшие – клиенты нашей фирмы. А тут еще ваш друг Рафл потерял лампу с заказом. А менты ничего лучшего не придумали, как зажечь ее в отделении.

– И что же там было? – поинтересовался Никифор. – В смысле, какой это был заказ?

– Слава богу, ничего опасного, – Соломон поморщился. – Одна дама за неимением своего возжелала совершенный бюст немереного размера и всяческое его использование с любовником.

– Я думаю, милиционеры вряд ли обсуждали этот сеанс, но осадок остался... – заметил Крестовоздвиженский.

– К нам приходили, спрашивали, чем мы занимаемся, не наши ли клиенты погибли. Пока ничего страшного, если джинны меня не предадут. Захочет Зир закрыть дело, так меня сдать проще просто. Вот и получается: или меня сами прикончат, или ментам сдадут. Но самое противное то, что могут посадить какую-нибудь сволочь.

– Могут, – согласился Крестовоздвиженский, – но в данном случае, уверяю вас, в вашем теле находится только одно сознание, и оно пока ваше. Что вам можно посоветовать? Правоохранительных органов вам бояться не следует, пока вы нужны устроителям фирмы, а вот от них можно, конечно, ожидать, как вы сами давно поняли, самых разнообразных пакостей. Но, похоже, что это тоже ненадолго.

Крестовоздвиженский переглянулся с Никифором, что не укрылось от внимания Соломона Давидовича.

– Вы что-то недоговариваете, – забеспокоился он, если в его положении можно было беспокоиться еще больше. – Я чувствую, что меня ждет еще какая-то гадость. Можете мне так и сказать. Мне уже все равно.

– Вот такой человек нам и нужен: чтобы он ничего не боялся и, в сущности, чтобы ему нечего было терять, – порекомендовал Никифор Соломона Давидовича Дионисию.

– Вы думаете, что вам действительно нечего терять? – серьезно спросил Крестовоздвиженский Соломона.

– Ну, давайте же, говорите, какая еще мерзость меня ожидает, – не выдержал этих недомолвок тот.

– Рассказывайте, – передал жестом руки эстафету джину Дионисий.

– Дело в том, уважаемый Соломон Давидович, – начал повествовательно джинн, – что нас с вами угораздило жить на окраине обитаемых земель Джиннистана. Если вы не знаете, сразу скажу, что границы государств у джиннов не совпадают с границами стран человеческих, и система правления в этих государствах – монархия. Сюда, на границы и ничейные земли, имеют привычку сбегать или переселяться различные по общественному положению джинны с, так сказать, сложной судьбой.

Крестовоздвиженский улыбнулся в усы.

– И не надо в меня пальцем тыкать, – предварил высказывание на свой счет Никифор.

– Так вот, в результате интриг при дворе и возможности дворцового переворота один очень важный джинн вынужден был искать убежища в нашей местности. Причем, чтобы сохранить инкогнито, он поселился не в виде человека или там собаки, а в самом человеке, причем так, что этот человек ничего про это не знает.

– Так, значит, в меня все-таки кто-то подселился и временами выходит, чтобы не попадаться на глаза, например, вам? – сделал скоропалительный вывод Соломон Давидович, обращаясь к Дионисию.

– Вывод интересный, но неправильный, – остановил его Крестовоздвиженский. – Высокое придворное лицо избрало своей резиденцией Петю Пчелкина. Вот к чему я вел свой рассказ.

– Но ведь у него такой ангел-хранитель! Я сам его видел! – удивился Соломон Давидович.

– Одно другому не помеха, – пояснил джинн. – Подселение не наносит никакого вреда подопечному этого ангела. А может, даже облегчает ему жизнь. Вы думаете, Галина, Петина женщина, с какой стати вдруг вспылала интересом к рыбной ловле?

– Однако... – удивился Соломон Давидович. – А скажите, еще кто-нибудь из джиннов знает, что в Пете кто-то сидит?

– Мы, например, знаем, а кое-кто догадывается, а может, и знает. Ваш «лепрекон», например.

– То-то он Петю так от приезжего гуля спасал, – сопоставив информацию, сделал вывод Соломон. – А я думал – дружба и бескорыстие его посетили.

– Ага, «бескорыстие», и вы еще добавьте «человеколюбие» гуля, хи-хи-хи, – Никифору такое допущение показалось крайне забавным.

– Но дело как раз не в том, дорогой Соломон Давидович, кто где живет, хотя это тоже небезынтересно вам, например. А в том, кто и как этого джинна ловит, – заметил Никифор, отсмеявшись. – А ловят его серьезно и централизованно при помощи частого невода, или «ловушки», как мы эту конструкцию называем. Как она работает – не суть важно. Ну, там котел с золотом, плавят его в нужное время, и там еще кое-что по мелочам. Главное то, что когда эта конструкция начинает работать, ни один джинн в округе не сможет устоять, чтобы не бросив все, к этому котлу не кинуться. Запах у него такой привлекательный или еще что, я точно не знаю, но только все мы там будем.

Меджида, понятно, отловят. А я еще не сказал, что его Меджидом зовут? Ну, не это главное, а то, что укрывается он у Зинова работника. То есть Зиру тут никак не отвертеться. Получит он «цугундер» с печатью на горлышке и будет дайвингом, как сейчас говорят, в Красном море лет двести заниматься. Ну, и смолы ему горячеей. Но неприятность в том, что контору его ликвидируют. И вас, уважаемый Соломон Давидович, в первую очередь. То, что они имеют такую возможность, вам, я полагаю, доказывать нет нужды.

– Пожалуй, – согласился Соломон Давидович. – Но где-то должен же быть выход, и мне кажется, что вы его знаете и пытаетесь меня к нему подвести. А раз подводите, предварительно запугав, то выход не из приятных. Но тут вы совершенно правы – я спосо-

бен согласиться на многое, чтобы выкрутиться из создавшейся ситуации, – расставляя точки над «і», продолжил Соломон. – Я готов выслушать ваш совет, каким бы неприятным он ни был.

– А вот тут вы, дорогой Соломон Давидович, ошибаетесь в своих предположениях дважды. Во-первых, мы не знаем выхода из этой ситуации, а во-вторых, пока от вас ничего героического не потребуется.

– А что же может от меня потребоваться, если вы не знаете, что делать? – удивился Соломон.

– Вот то-то и оно, – стал пояснять Никифор, – выключить эту ловушку или помешать ее запуску могут только силы очень высокого полета.

– И вы предлагаете мне к ним обратиться? Вы думаете, что со мной кто-нибудь из ваших будет говорить? – поинтересовался Соломон Давидович.

– Там, конечно, никто с вами говорить действительно не будет, – Никифор ткнул пальцем в потолок, – но прямо здесь есть один оригинальный, я бы сказал, выживший из большей части ума джинн.

Соломон Давидович оглянулся. Кроме них троих и рыбы в аквариуме, никого не было. Вдруг рыба высунулась до половины из воды, вырастила ручки, развела их в стороны и произнесла с сильным восточным акцентом:

– Никифор, что за глупые намеки? Если джинн плавает – значит, он не в своем уме? На себя посмотри.

Рыба возмущенно плеснула хвостом, легла на дно и отвернулась.

– Извини, Офрим, – сказал Никифор, – я не тебя имел в виду. Сходить, я думаю, нужно к некоему Асафу. Ему очень много лет. Говорят, он жил во времена самого Соломона – вашего полного тезки, к слову сказать. Предваряя ваш вопрос, объясню: когда джинн сидит в закупоренном сосуде, время для него останавливается. Такая себе машина времени, – пояснил Никифор Соломону Давидовичу.

– Серьезно сидел ваш Асаф, – согласился Соломон.

– Именно, – подтвердил Никифор, – и вот поэтому Асаф не любит джиннов. Правда, людей он тоже, за некоторыми исключениями, не жалуется.

– А почему вы решили, что именно я – эти некоторые?

– Во-первых, вам это больше всех надо, – довольно бестактно заявил Никифор.

– А вам, следовательно, ловушка – как плов с бараниной? – не дав ему договорить, возразил Соломон Давидович.

– Господа, сейчас не время препираться, – остановил их Дионисий.

– Помощь нужна и нам, и Соломону Давидовичу, но пойти к Асафу может только он. С джиннами старик просто не станет разговаривать, впрочем, как и с людьми. В общем, вам, Соломон Давидович, ничего не угрожает. Встретите вы Асафа в виде желтенького песика неопределенной породы, попытаете с ним поговорить. За сумасшедшего вас прохожие могут и не принять. Сами такие. А вот ответит вам Асаф или нет – это как повезет. А если пригласит к себе в гости, то вам тем более ничего не грозит – законы гостеприимства.

– Распространяются ли они на людей? – засомневался Соломон Давидович.

– С Асафом ни в чем нельзя быть уверенным, но будем надеяться на лучшее, – приободрил Соломона Никифор.

– Вот если бы со мной Петя пошел... – размечтался Соломон Давидович. – У него и ангел-хранитель, и джинн важный. Вот было бы замечательно!

– Да, это было бы хорошо, – подтвердил Крестовоздвиженский. – Вселенца Петиного Асаф сразу бы распознал, хотя вряд ли бы решился нарушить его инкогнито. Он старый царедворец и приличный сноб. Визит такой особы был бы для него крайне лестным.

– Но Петя, тем более со мной, да еще и разговаривать с собакой, которая, к тому же, джинн, вряд ли пойдет. Да и о джиннах он ничего не знает. Не положено ему, – с досадой возразил Соломон.

– А грачи, которые ему проходу не дают, его ни на какие мысли не навели? – поинтересовался Крестовоздвиженский.

– Навели. Он теперь считает, что за ним инопланетяне следят. Ему это в уфологическом центре рассказали. И еще про ежиков, – пояснил Никифор.

– А ежики тут при чем? – удивился Дионисий.

– А кто их знает? Ежики вообще не по нашему ведомству. По крайней мере мне не известно, на кого они работают.

Продолжение следует